

УДК 811.161.1'276.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI 10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122

Н. Н. Панченко
Волгоград, Россия

N. N. Panchenko
Volgograd, Russia

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СТЕБА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

GENRE INDIVIDUALITY OF MOCKERY IN INTERNET COMMUNICATION

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению стеба как современного коммуникативного феномена. В статье описаны тенденции изменения жанрового массмедийного пространства, охарактеризованы социокультурные предпосылки возникновения стеба, выделены его разновидности – интеллектуальный и маргинальный.

Стеб как социокультурный феномен предстает в качестве результата карнавализации, критической оценки и пародирования, основанных на средствах комического – иронии, сатиры, сарказма.

Стеб как субкультурный феномен, выделяемый в жанровом пространстве интернет-дискурса, характеризуется установкой на провокацию, эксцентрику и эпатаж, отличается фамильярной тональностью общения, обнаруживает трансформацию ироничного в циничное, содержит деструктивную критику, реализуемую с помощью негативной коннотации, инвективной, жаргонной лексики.

Ключевые слова: стеб, речевые жанры, интернет-коммуникация, ирония, сарказм, сатира, цинизм.

Сведения об авторе: Панченко Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой языкознания.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: panchnn@yandex.ru

Abstract. The research is devoted to the consideration of mockery as a contemporary communicative phenomenon. The article describes trends of the modification in the genre mass media field, a characterization of some sociocultural background and preconditions of mockery's origin is discussed, two variants of mockery – intellectual and marginal – are distinguished.

Mockery as a sociocultural phenomenon appears as a result of carnivalization, critical evaluation and parody, which are based on the means of the comic – irony, satire, sarcasm.

Mockery as a subcultural phenomenon found in Internet discourse is characterized by the intention to provoke, shock and scandalize. Its distinctive feature is familiar tone of communication. Mockery contains destructive criticism, lexical means with negative connotation, slang, jargon, offensive and abusive language.

Key words: mockery, speech genres, Internet communication, irony, sarcasm, satire, cynicism.

About the author: Nadezhda N. Panchenko, Doctor of Philology, professor, Head of Chair of Linguistics.

Place of employment: Volgograd State Social-Pedagogical University.

Введение

Достаточно тривиально сегодня звучит тезис о том, что XXI век ознаменовался существенными изменениями коммуникативного пространства. Тем не менее, нельзя отрицать, что процессы глобализации, появление новых технологий и новых сфер общения, виртуализация (нейтрализация различий между реальностью и ее субъективным конструированием), переизбыток информации и прочее действительно привели к серьезным изменениям в коммуникативном пространстве, к числу которых можно отне-

сти массмедийную вседозволенность, трансформацию ценностей, модификацию традиционных коммуникативных продуктов, гибридизацию жанров и нейтрализацию стилистической дифференциации.

В массмедийном коммуникативном пространстве происходит рокировка речевых жанров: информативные, аналитические жанры уступают место развлекательным, игровым, комическим. Последние, в свою очередь, также подвергаются трансформации, изменяется функциональная (социальная) значимость жанров комического дис-

курса: на лидирующие позиции претендуют жанровые формы, в которых преобладает провокативность, насмешка, сарказм, цинизм. «Сейчас уже можно говорить о том, что за прошедшее десятилетие «иронический цинизм» трансформировался (эволюционировал) в циничный сарказм: уничтожение любых идеалов и ценностей» [1 : 128].

Отражением подобных тенденций является стеб, в котором прослеживаются элементы карнавального мировоззрения, трансформация ироничного в циничное, обусловленная установкой на провокацию, скандал и эксцентрики.

В данной статье, не претендуя на законченное исследование, рассмотрим стеб на материале интернет-коммуникации. Основной задачей исследования является описание истоков возникновения стеба, используемых в нем средств комического и анализ специфики его реализации в пространстве виртуальной коммуникации.

1. Понятие «стеб» и социокультурные предпосылки его возникновения

Слово «стеб» сегодня уже не осознается как жаргонное, хотя в словарных статьях оно встречается с этой пометой и определяется как 1) *ирония, насмешка* или 2) *то, над чем насмеваются, иронизируют* [2 : 1264]; *стебать*: 1) *высмеивать кого-либо, что-либо, иронизировать над кем-либо, чем-либо*; 2) *привлекать кого-либо нарочито шутливым, нетрадиционным поведением* [3].

Воспринимаемое фоносемантически как хлесткий удар, шлепок, этимологически восходящее к глаголам «*стегать*», «*хлестать*», «*бить*» [4], слово «стеб» предстает как результат метафорического переосмысления, основанного на переносе «избиение физическое» → «бичевание словесное»:

Стеб – публичное выражение иронического отношения к каким-либо людям, взглядам или понятиям, часто в виде пародии, ставящее целью их высмеивание [5].

Коммуникативная интенция говорящего – хлесткое вышучивание, высмеивание, основанная на дискредитации объекта в глазах окружающих, обличении, критической оценке, подразумевающая тем самым ценностное снижение, умаление, обуславливает восприятие стеба как разновидности деструктивной деятельности говорящего. Напомним, что деструктивность как свойственный исключительно человеку коммуникативный феномен представляет собой разновидность общения, направленного на осоз-

нанное причинение адресату морального и/или физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы [6]. Неслучайно, при реализации в контексте производного глагола «*стебаться*» появляется значение «*издеваться*»:

... Павел Лобков в программе «Намедни» откровенно **стебался**, приводя цитаты из ваших медицинских работ... (Комсомольская правда. 28.04.2003);

А над Росицки и Аршавиным, с которыми мы играем в «Арсенале», я в раздевалке буду постоянно «стебаться». Задавлю их морально перед Евро, ну и поржу, конечно, от души! (Советский спорт. 04.12.2011).

Однако, сделаем оговорку, что деструктивность стеба соотносится прежде всего с определенными ситуациями межличностного общения, и не распространяется на все явление в целом.

Наличие в дефинициях стеба семантических компонентов «ироническое отношение», «насмешка» позволяет отнести данный феномен к жанру комического. Последнее определяется как «явление, заслуживающее эмоционально насыщенной эстетической критики (отрицающей или утверждающей), представляющей реальность в неожиданном свете, вскрывающей её внутренние противоречия и вызывающей в сознании воспринимающего активное противопоставление предмета эстетическим идеалам» [7 : 86–87]. Поскольку стеб погружен в ситуацию смехового общения, то не вызывает сомнений, что его истоки как культурного явления лежат в области смеховой культуры [8]. Однако обратим внимание, что «не все смешное комично, хотя комическое всегда смешно» [Там же : 85], дифференциальным признаком понятий комического и смешного выступает «наличие критики», «акцент на недостатках».

Внедряясь в пространство комического дискурса, стеб занимает место в ряду его жанров, «питаясь» такими основными видами комического, как юмор, ирония, сарказм, сатира. Не останавливаясь подробно на критериях их дифференциации (см. в этой связи работы М. Р. Желтухиной [9], А. Е. Истоминой [10] и др.), попытаемся определить «пристрастия» стеба к тому или иному виду комического.

Прежде всего, заметим, что с точки зрения злободневности и критической оценки, степени агрессивности и интенсивности выражаемых эмоций наименее привлекательным из всех для стеба является юмор – наи-

более добродушный и мягкий способ критической оценки, выражающий симпатию и сочувствие к ее объекту [9]. Сочетание интенционального и игрового начал в иронии, соединение положительной формы и отрицательного содержания смягчает язвительность смеха в иронии и формирует достаточно высокую степень интеллектуальности, заметим, не всегда удовлетворяющую целям стеба. Наиболее притягательными для обличительных целей стеба являются сатира и сарказм, которые отличаются эксплицитностью выражения эмоций и прямолинейностью критической оценки, направлены на разоблачение человеческих и социальных пороков, при этом в сарказме степень эмоциональности выше, а выражаемая критика нередко граничит с цинизмом. Таким образом, нам думается, что в качестве средств реализации высмеивания автор стеба, ориентированный на издевку, провокацию, обращается преимущественно к сатире, иронии и сарказму, в меньшей степени – к юмору.

Родом из молодежной субкультуры, в системе смеховых жанров которой обосновались приколы, мультки, глум и проч., стеб, на наш взгляд, ближе всего из традиционных жанров комического соотносится с пародией (лит. *сатирическое произведение в прозе или в стихах, комически имитирующее, высмеивающее какие-либо черты других литературных произведений* [11]). Пародия, имеющая установку на разоблачение смехом при помощи доведения до абсурда, комического обесмысливания стиля или недостатков [10], строится на нарочитом несоответствии стилистических и тематических планов художественной формы и опирается на интертекстуальность.

Переходя непосредственно к рассмотрению предпосылок возникновения стеба, укажем, что сегодня в числе основных тенденций, оказавших определенное воздействие на формирование коммуникативного поведения в целом, массмедийного дискурса, в частности, называют влияние эстетики постмодернизма. «Автор и / или издание, практикующие постмодернистскую манеру письма, стремятся втянуть читателя в игру, увлечь его иронией, стебом, “многослойностью” смыслов» [1 : 126]. А одной из важнейших характеристик коммуникативного поведения в эпоху постмодерна, наряду с виртуальностью, императивностью и др., признается карнавальность (игровое переверачивание ценностей) [12 : 242]. Как пи-

шет М. М. Бахтин, «карнавал сближает, объединяет, обручает и сочетает священное с профанным, высокое с низким, великое с ничтожным, мудрое с глупым» [13 : 209].

В основе стеба весьма заметны элементы десакрализации, инверсия или обесмысливание ценностей. Закономерно, что стеб определяется исследователями как «разновидность публичного интеллектуального эпатажа, который состоит в провокационном и агрессивном, на грани скандала, снижении любых символов других групп, образов прожективных партнеров – как героев, так и адресатов сообщения – через подчеркнутое использование этих символов в несвойственном им, пародийном или пародическом контексте, составленном из стереотипов двух (точнее, как минимум, двух) разных лексических и семантических уровней, рядов» [14 : 163].

Говоря об интеллектуальности эпатажа, присущего стебу, автор связывает этот феномен с конкретными «историческими» обстоятельствами и, как нам видится, соотносит данный жанр с одной из форм эстетического протеста, схожего, например, с высмеиванием коммунистической идеологии, с концептуалистским направлением в рок-музыке в 80–90-е годы XX века, или близкого по своей форме к авангардному искусству начала XX века. И действительно, элементы стеба органически вписывались в различный юмористический контент задолго до появления самого слова стеб. Как сказал Андрей Кнышев, создатель цикла передач «Веселые ребята», характеризуя советский юмористический дискурс начала 80-х гг. прошлого века: «Стеба не было слова такого, но стеб был» (Первый канал. Вечерний Ургант, 23.11.2016).

Очевидно только, что на сегодняшний день стеб из демонстративно-провокационного «выхода за рамки», реализуемого в эстетической культурной форме, трансформировался в маргинальный растиражированный продукт, цель которого – эпатаж, стеб ради стеба. Средством обеспечения подобной массовизации выступают СМИ, в первую очередь интернет-дискурс с его специфической лексикой, особым синтаксисом и стилистикой. Таким образом, можно говорить о двух основных разновидностях стеба – интеллектуальном (эстетическом) и маргинальном. К интеллектуальной разновидности стеба (с некоторыми оговорками) можно отнести интернет-проект Луркоморье – явление, которое «соответствует некоторым об-

щим тенденциям коммуникативной интернет-реальности» и отражает некоторые важные закономерности «карнавала по-новому, по-компьютерному» [15 : 139]. Аргументами в пользу такого взгляда на данное явление могут служить его ориентированность на эстетику – «форма текста нередко имеет самостоятельную ценность» [15 : 150], пародийный характер – Луркоморье изначально создавалась как «карнавальная, постмодернистская пародия на Википедию» [Там же : 137]. Однако нельзя не обратить внимание на наличие в некоторых текстах Луркоморья нецензурной лексики, нарушающей этические нормы без достаточной эстетической мотивировки, когда отклонения от этико-речевой нормы не компенсируются способами создания комического эффекта, а, как нам представляется, рассчитаны в большей степени только на эпатаж.

Далее наше внимание будет сосредоточено преимущественно на маргинальном стебе, обосновавшемся в виртуальном пространстве.

2. Специфика стеба в интернет-коммуникации

Уже упомянув общую тенденцию к вытеснению серьезных новостных, аналитических жанров в медиапространстве и заполнению его «легким» (игровым / зрелищным / юмористическим / досуговым) контентом, еще раз подчеркнем, что инновационной площадкой и одновременно сферой влияния в этой связи становится Интернет, ориентированный на удовлетворение ожиданий, когнитивных потребностей и эмоциональных запросов широкой разнообразной аудитории. «Интернет – карнавализованное пространство, хоть и не всегда, но, тем не менее, противостоящее повседневному серьезу, позволяющее человеку раскрепоститься» [16 : 40].

В связи с созданием определенной интернет-культуры и возникновением специфических форм виртуального обмена информацией и электронных способов взаимодействия образуется целый ряд интернет-групп или интернет-блогеров, концентрирующих свое внимание на высмеивании новостного, не всегда социально значимого, контента. Интернет-пространство предоставляет безграничный полигон для упражнений в стебе и бесконечное количество разнообразных возможностей для его реализации. В данной статье для анализа стеба в виртуальной коммуникативной среде при-

влекался материал лишь некоторых популярных у молодежной аудитории видеоблогов¹ (например, «Nemagia-LifE», «BadComedian»), выложенных на видеохостинге Youtube (<https://www.youtube.com/>).

Прежде всего, заметим, что стеб предстает как реактивный жанр, воплощая пример дискурса реагирования. По сути своей, он представляет собой некое обсуждение события в пародийном стиле. Коммуникативным прошлым или информационным поводом выступают события разной степени значимости: 1) резонансные новости из общественно-политической, экономической сферы – арест главы Минэкономразвития А. Улюкаева находит отражение в ролике «2 МЛН ВЗЯТКИ и Мечта Академега» (Nemagia-LifE); 2) новости теле- и киноиндустрии (BadComedian); 3) высказывание известной личности, всколыхнувшее в первую очередь интернет-аудиторию, в частности, фраза министра культуры России Владимира Мединского о том, что у русского народа имеется одна лишняя хромосома или, например, спор К. Райкина и байкера Хирурга о цензуре в России, который стал поводом для ролика «Мотоциклетный клоун-Хирург жгет!!!» (Nemagia-LifE); 4) лишенные какой-либо социальной значимости видеоролики «коллег по цеху», ютьюберов, неизвестных широкой аудитории, например, «АФОНЯ И СОБОЛЕВ: СЛЕПАЯ ЛЮБОВЬ»; НОВЫЙ ЧЕРТ НА ЮТУБЕ (ЛЕГА)! (Nemagia-LifE).

Заметим, что объектом стеба нередко выступает конкретная личность, а не явление в целом. Авторы сайта Nemagia.ru фиксируют внимание на мишенях стеба, определяя цели своей деятельности: «Раньше мы занимались фокусами и их разоблачением, теперь это в прошлом. Теперь мы занимаемся теми людьми, которые окутывают своих жертв сетями лжи, обмана и вставляем в них чёпик правосудия!» (<http://nemagia.ru/>).

Кроме того, интересы авторов стеба не ограничиваются уничтожающим осмеянием непосредственно новостного контента, послужившего источником для обсуждения, энергия их разоблачительства и зубоскальства постепенно расширяется, вовлекая в сферу своих острых нападок и сопутствующие темы. Создается впечатление, что авторы стеба следуют собственной потребно-

¹ О степени популярности видеороликов можно судить по количеству просмотров – от нескольких сотен тысяч до 3 миллионов.

сти саркастически выговориться, высмеять всех и вся, упражняясь в остроумии, продемонстрировать себя и эпатировать адресата, тем самым стеб порою превращается в самоцель, в самопрезентацию.

Например, при обсуждении новости, что дочь Никиты Михалкова, Надежда Михалкова, решив снимать фильм ужасов, претендует на государственную субсидию, блоггеры (Nemagia-LifE) переходят на личность Ф. Бондарчука, подключая иронию и сарказм: *каждый зарабатывает / ребят / как может / и Федя не исключение / вы думаете / такую лысину держать / это дешево вообще? / Это как бы надо за ней ухаживать / всякими смазками там / гелями...* (ДОЧЬ МИХАЛКОВА получит 65 МИЛЛИОНОВ ЗА ...).

Целям самопрезентации и в некоторой степени самоиронии, на наш взгляд, служит предваряющий видеозапись текст: *Видео создано исключительно в юмористических целях. Носит пародийный характер. И не ставит задачи нанести кому бы то ни было колоссальные нравственные страдания морального характера! P.S. Мы 2 дебила и клоуна, что с нас взять...* (Nemagia-LifE).

Одной из отличительных черт стеб-тональности является фамильярно-развязный стиль: *А Федька Бондарчук мне тоже нравится как отыгрывает; А продюсером данного фильма будет Федечка Бондарчук; дочурка Михалкова; Этот министр находился в команде Володьки Путина; Володенька собрал заседание министров и сказал...* (Nemagia-LifE).

Кроме того, авторы не вуалируют негативные оценки, которые появляются уже в названии самих роликов:

Кавказская Пленница 2 (МЕРЗКИЙ РЕМЕЙК) (BadComedian);

Мантукора (САМЫЙ БЕЗДАРНЫЙ ФИЛЬМ) (BadComedian);

ТОТАЛИТАРНАЯ ЛОЖЬ!! Депутат Ирина Яровая (Nemagia-LifE).

Интернет-стеб, с одной стороны, отражает ценности определенной группы, субкультуры, с другой – в нем прослеживается ориентация на массового потребителя, следование его потребностям и выражение его ценностей. В рассматриваемой интернет-среде стеб далек от изящной иронии, интеллектуальной пародии. Если и встречается ирония, то она откровенно проста, прямолинейна, лишена элегантно-эстетической и каких-либо средств художественной выразительности:

Первый канал / Эрнст / Константин / если Вы меня смотрите сейчас / пожалуйста / пожалуйста / если Вы сидите рядом с Минкультом / Бастой / вот ваша компания странная собралась / я вас умоляю / к черту футбол / да кому он на хер нужен футбол российский / ну там не российский / не знаю че за чемпионат / мне вообще плевать / верните передачу МаксимМаксим / мы просто здесь загибаемся / нам нужна эта передача / мы хотим хапануть дерьмеца / верните ее... (BadComedian).

Основываясь на злой, оскорбительной насмешке, стеб допускает использование сниженной, инвективной лексики, авторы стеба позволяют себе мат, в изобилии встречаются сленг и жаргон: *дать / кинуть страйк, разбанить канал, пукан погорел / бомбит, хэйт собрался* и т. д., что служит доказательством его маргинальности. Инкорпорирование в ролик фрагментов из кино-, теле-, интернет-сюжетов, балансирующих зачастую на грани пошлости, демонстрирует проявление карнавальности, провоцируя ценностное снижение обсуждаемого явления / личности. Так, используемый видефрагмент передачи «Вести», в котором крупным планом показан А. Улюкаев, а голос диктора за кадром, сообщает: «Чиновника взяли с поличным при получении взятки в два миллиона долларов», представлен на фоне танцевально-развязной мелодии из репертуара Верки Сердючки (Nemagia-LifE).

Пародийная сущность стеба подменяется саркастической уничтожающей критикой, сатирическая интонация трансформируется в оскорбительную. Общая тенденция размывания границ между жанрами и стилями, таким образом, прослеживается и в виртуальном дискурсе, маркируя переход пародийного стиля стеба в агрессивно-эпатажное зубоскальство.

Заключение

Стеб как коммуникативный феномен, по сути своей близкий к интеллектуальной пародии, в современной виртуальной среде подвергся определенной трансформации с точки зрения плана выражения и плана содержания. Для реализации комической интенции авторы стебовой интонации чаще всего прибегают к сарказму, циничному высмеиванию, используя инвективную, жаргонную и матерную лексику, демонстрируя высокую степень агрессивности и эпатажности и низкую степень интеллектуальности. Ми-

шениями стеба отнюдь не всегда становятся социально значимые события, из формы социально и идеологического протеста, из эстетического приема стеб превращается в самопрезентацию, выплеск накопившегося раздражения, злобы и агрессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выровцева Е. В. Стилистические особенности текстов печатных СМИ как формы медиавируса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Вып. 80. Филология. Искусствоведение. № 21 (312). С. 125–130.
2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Справочное издание. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
3. Мокленко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона 25 000 слов. 7000 устойчивых сочетаний. СПб.: Норинт, 2001. 717 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. URL : <http://vasmer.narod.ru/p667.htm> (дата обращения: 31.10.16).
5. Русский Викисловарь. URL : <https://ru.wiktionary.org/wiki> (дата обращения : 3.11.16).
6. Волкова Я. А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте. Волгоград : Перемена, 2014. 324 с.
7. Боров Ю. Б. Эстетика. М. : Высш. шк., 2002. 511 с.
8. Вокуев Н. Е. Феноменология стеба в современной массовой культуре // Аналитика культурологии. 2010. № 2. URL : http://analiculturolog.ru/component/k2/item/191-article_3.html (дата обращения : 5.11.16).
9. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики. М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2000. 264 с.
10. Истомина А. Е. Фельетон как жанр политического дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 192 с.
11. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL : <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/p/paro.html> (дата обращения : 4.11.16).
12. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград : Парадигма, 2015. 432 с.
13. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М. : Художественная литература, 1972. 470 с.
14. Дубин Б. В. Кружковый стеб и массовые коммуникации : К социологии культурного перехода. М. : НЛО, 2001. С. 163–174. URL : <http://ec-dejavu.ru/s-2/Steb.html> (дата обращения: 30.10.16).
15. Деметьев В. В. «Луркоморье» vs «Википедия» = «неформально» vs «формально»? // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 137–151.
16. Вокуев Н. Е. Стеб офлайн и онлайн. Попытка теоретического осмысления // Человек, культура, образование. 2011. № 2. С. 30–47.

REFERENCES

1. Vyrovtsseva E. V. Stilisticheskie osobennosti tekstov pechatnykh SMI kak formy mediavirusa [The stylistic features of printed mass media texts as a form of mediavirus] *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Chelyabinsk State University Reporter. Philology. Art history]. 2013. Iss. 80, no. 21 (312). pp. 125–130.
2. Kuznetsov S. A. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [The Great Dictionary of the Russian Language]. St.-Petersburg, 2000. 1536 p.
3. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoj slovar' russkogo zhargona* [The Great Dictionary of Russian jargon] 25 000 words. 7000 idioms. St.-Petersburg, 2001. 717 p.
4. Fasmer M. *Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Available at: <http://vasmer.narod.ru/p667.htm> (accessed 31 October 2016).
5. *Russkij Vikislovar'* [Russian Wiktionary]. Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki> (accessed 3 November 2016).
6. Volkova Ya. A. *Destruktivnoe obshhenie v kognitivno-diskursivnom aspekte* [Destructive Communication in Cognitive and Discursive Aspects]. Volgograd, 2014. 324 p.
7. Borev Yu. B. *Ehstetika* [Aesthetics]. Moscow, 2002. 511 p.
8. Vokuev N. E. Fenomenologiya steba v sovremennoj massovoj kul'ture [Phenomenology of Steb in Modern Popular Culture]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies]. 2010. № 2. Available at: http://analiculturolog.ru/component/k2/item/191-article_3.html (accessed 5 November 2016).
9. Zheltukhina M. R. *Komicheskoe v politicheskom diskurse kontsa XX veka. Russkie i nemetskie politiki* [The Comic in the Political Discourse of the end of the XX-th Century. Russian and German politicians]. Moscow, Volgograd, 2000. 264 p.
10. Istomina A. E. *Fel'eton kak zhanr politicheskogo diskursa* [Feuilleton as a genre of political discourse: Cand. philol. sci. thesis diss.]. Volgograd, 2008. 192 p.
11. Ushakov D. N. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Available at: <http://www.dict.t-mm.ru/ushakov/p/paro.html> (accessed 4 November 2016).
12. Karasik V. I. *Yazykovaya spiral': tsennosti, znaki, motivy* [Language spiral: values, symbols, motives]. Volgograd, 2015. 432 p.
13. Bakhtin M. M. *Problemy poehtiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow, 1972. 470 p.
14. Dubin B. V. *KruzHKovyyj steb i massovyje kommunikatsii: K sotsiologii kul'turnogo perekhoda* [Circle Steb and Mass Communications: to Sociology of Cultural Transition]. Moscow, 2001. P. 163–174. Available at: <http://ec-dejavu.ru/s-2/Steb.html> (accessed 20 October 2016).

15. Dementyev V. V. «Lurkomor'e» vs «Vikipediya» = «neformal'no» vs «formal'no»? [“Lurkmore.ru” vs «Wikipedia» = «informally» vs «formally»]. *Zhanry rechi* [Speech genres], 2015, no. 1(11). pp. 137–151.

16. Vokuev N. E. Steb oflajn i onlajn. Popytka teoreticheskogo osmysleniya [Offline and Online Steb.

The attempt of Theoretical Comprehension]. *Chelovek, kul'tura, obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2011, no. 2. pp. 30–47.

Статья поступила в редакцию 2.12.2016.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Панченко Н. Н. Жанровое своеобразие стеба в интернет-коммуникации // Жанры речи. 2016. №2. С. 116–122. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122

FOR CITING

Panchenko N. N. Genre individuality of mockery in internet communication. *Speech genres*, 2016, no. 2, pp. 116–122. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-116-122 (in Russian).